

Уже несколько дней ходил я в консерваторию, а профессор Янис Адольфович Озолиньш никак не мог уделить мне хотя бы полчаса. То у него экзамены, то пригласает приемная комиссия, то заседание ученого совета.

И лишь осенью разговор состоялся. Мы просто уединились в одной из аудиторий в дальнем крыле здания. Где-то в соседних классах перекликались мощный баритон и нежное сопрано. Профессор, изредка прислушиваясь, рассказывал:

— Музыкальное образование выходцу из простой семьи в буржуазное время получить было не просто. Мне, можно сказать, повезло. Сначала учился в родном городе Елгаве, потом даже закончил в Риге консерваторию. Должен был стать учителем, но работы не было. Мать как была, так и оставалась чернорабочей. Я же прихватывал по случаю уроки в школах — то в Елгаве, то в Риге. А где освобождалось место, там сразу был конкурс. Требовались всякие документы, характеристики, которые достать было нельзя. Это и помогало проваливать тогда прогрессивно настроенных людей.

Все изменилось после восстановления в Латвии Советской власти. Работы было, как говорится, невпроворот. Одновременно руководил духовым оркестром, обучал детей в средней школе, был главным дирижером и художественным руководителем в елгавском Доме культуры. И так целый год.

Помню, готовились к отчетному концерту в Доме культуры. Он должен был состояться 23 июня 1941 года. Днем раньше была назначена генеральная репетиция. Но ее провести не удалось. Фашисты с утра начали бомбить Елгаву. В составе истребительного батальона, которым командовал проректор сельскохозяйственной академии Карлис Улпе, ушел из города.

Над прахом сёл
и пеплом нив
Заря в крови встает...

О военном времени профессор рассказывал скупое. Пришлось заглянуть в документы, поговорить с очевидцами, чтобы узнать об этом чуть подробнее.

Елгавский батальон оказался надежным подразделением. Ядро его составляли рабочие кирпичных заводов «Сарканайс малс», «Пурмали», калициемского «Спартака», сахарного завода, льнопрядильни, советские активисты. Бойцы уничтожали фашистских парашютистов, повывлежавших из своих нор айсаргов. Позже, на территории Эстонии, били местных пособников врага — кайтселитов.

Отступали, нанося в упор-

ных боях ощутимый урон гитлеровской нечисти. Были потери, но батальон рос за счет новых бойцов. А вскоре влился в состав отдельного рабочего полка. Вот что писала о его действиях 20 августа 1941 года «Литературная газета»: «Полк товарища Улпе образовался из добровольных отрядов... 25 июля полк получил приказ задерживать продвижение авангардных частей немецкой мотомеханизированной дивизии... Врага необходимо было поразить внезапным ударом. Командир Улпе разбил полк на отдельные отряды и окружил авангард наступающих колонн... Хорошо замаскиро-

ны. Среди них «Песня латышских стрелков» на слова Фрициса Рокпелниса...

Вставали красные стрелки,
Чтоб немца гнать и гнать,
Наш край родной должны
штыки

От смерти отстоять.

Держу в руках газету «Латвияс стрелникс» за 22 декабря 1941 года. Листок половинным форматом «Правды». Желтая бумага, серые, выцветшие буквы. Но читать можно. Передовая, фронтовые сводки, советы молодым бойцам. На обороте листка — текст и ноты «Песни латышских стрелков» — первого

П Е С Н Я Л А Т Ы Ш С К И Х С Т Р Е Л К О В

ванные пулеметы открыли огонь по врагу». Далее в статье, автором которой был Юлий Ванаг, рассказывалось о захваченных тогда трофеях, о пленных, сквозь наглость которых уже проступал страх.

Снова бои. Их крепко запомнил Янис Озолиньш. Ненависть к врагу, любовь к Родине придавали силы нашим бойцам. Они сражались, не щадя жизни. Но было очень трудно. Под напором превосходящих сил противника пришлось вначале отступить. В неравной схватке гибли люди, таял полк. Но к оставшимся приходил боевой опыт. Когда осенью Озолиньш оказался в Гороховецких лагерях, где формировали Латышскую стрелковую дивизию, он был уже закаленным, умелым, отважным воином.

Таких бойцов собралось немало. Каждый рвался на фронт. Звала Родина-мать. Звала поруганная латышская земля. В короткие минуты отдыха среди напряженной боевой учебы говорили о родных местах, красавице Даугаве, седой Риге. И пели песни. Народные. А вот строевой, латышской, не было.

— Командование объявило конкурс на лучшую боевую песню, — продолжал профессор. — До войны я мало сочинял, больше по необходимости: работал с духовым оркестром — для него, в школе — для детей. Но решил все-таки. Подобрал тексты наших армейских поэтов. Написал музыку. Сдал ноты жюри. Когда вскрыли конверты, оказалось, что мои песни отмече-

сочинения такого рода Яниса Озолиньша.

А вот еще газета — «Правда» от 23 декабря 1941 года. На первой странице статья Вадима Кожевникова «Латыши идут на врага». Есть в статье такие строки: «...Когда они идут в атаку, сурово окаменевшие лица их внушают ужас врагу не меньше, чем грозные жала неумолимых штыков».

Именно тогда Латышская стрелковая дивизия приняла боевое крещение в боях под Москвой. Они стали началом победоносного наступления. Клин, Наро-Фоминск, Боровск, Старая Русса, Демянск... Фашистов выбивали из городов и деревень, о которых прежде и не слыхивали, но которые теперь становились дорогими и близкими.

— Особенно тяжело было под Демянском. Весна... Распутица, все раскисло... — в рассказ собеседника вклинились паузы. — Боеприпасы не подвезти, продовольствие на парашютах сбрасывали. В мае начали даже травушки собирать (профессор так и сказал «травушки»). Но боевой дух креп...

Чтоб вновь зацвел простор
полей,
Коли, рука моя, сильнее!..

— Через некоторое время пришлось покинуть строй, — вздохнул Янис Адольфович. — После конкурса распоряжением по дивизии мне поручили руководство хором Художественного ансамбля Латвийской ССР. Была составлена программа. Мы все отрепетировали, стали давать концерты. На фронте, в госпиталях, в тыловых колхозах. Всего состоялось око-

ло тысячи выступлений. Самая большая проверка для нас была в апреле сорок третьего года. Тогда в Москве во время Недели латышского искусства ансамбль показал первую латышскую советскую одноактную оперу «Рута» композитора Н. Грюнфельда. Выступали также солисты, хор. Исполнялись и мои песни...

Еще раз заглядываю в подшивку «Правды». 24 апреля 1943 года о выступлении на декаде хора под управлением Я. Озолиньша газета отмечала, что он продемонстрировал «высокую хоровую культуру, веками воспитанную в латышском народе».

«Мы горды и счастливы, — писала в те дни и газета «Циня», — что наше искусство идет вместе с искусством остальных советских народов в бой за победу... Поднимайся еще выше, латышская песня, лети рядом с гордым боевым знаменем нашей гвардейской дивизии! Стань сама знаменем, зовущим вперед, будь оружием, разящим врага».

Успех выступления в Москве окрылил. Я. Озолиньш работал с большим увлечением и творческим горением. Радовало, что полюбилися «Песня латышских стрелков». Бойцы запевали ее на марше, исполнялась она и на самодеятельной сцене. Аплодисментами встречали эту песню в концертах. Когда освободили столицу Латвии, ее восторженно приняли рижане.

Тебе мы обещаем, мать,
Прославиться в бою,
И до последнего стоять
За Родину свою.

Вystояли, разбили врага. Пришел День Победы. И песня латышских стрелков с новой силой зазвучала по всей Латвии...

Лет пятнадцать тому назад я занимался в музыкальном училище на вокальном отделении. Помню, на втором курсе пели песни Яниса Озолиньша. Перед встречей с ним нашел дома сборник песен, по которому учился. На обложке портрет моего собеседника. Энергичное лицо, гладко зачесанные волосы, живые глаза. На пиджаке колодки награды. Конечно, поменьше, чем сейчас. Ныне в особо торжественных случаях на груди коммуниста Яниса Озолиньша — орден Октябрьской Революции, три ордена Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов, «Знак Почета», более десяти медалей. Таким не раз видели композитора-фронтовика на высокой дирижерской трибуне республиканских Праздников песни. Легкий взмах руками, и вслед за ним мощный аккорд многотысячного хора:

Чтоб мир вошел в сердца
людей...

В. ЧЕПУРОВ.